

Иванов Александр Александрович

[СИБИРСКАЯ ССЫЛКА НА САЙТЕ WWW.PENPOLIT.RU](http://WWW.PENPOLIT.RU)

Сделан анализ содержания научного сайта, на котором представлены работы по проблемам истории пенитенциарной и охранительной политики Российского государства в Сибири в XVIII-XX вв. Автор рассматривает статьи некоторых специалистов - участников сайта, останавливаясь на историографии уголовной и политической ссылки.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/2-3/19.html

Источник

[Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8): в 3-х ч. Ч. III. С. 74-82. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/2-3/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Бурахина О. А.** Студенческие строительные отряды Тамбовской области: исторический опыт: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2006. 170 с.
2. **Бурахина О. А., Слезин А. А.** Экономические итоги деятельности студенческих строительных отрядов Тамбовской области // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2007. Т. 13. № 1. С. 336-345.
3. **Государственный архив современной документации Астраханской области** (ГАСД АО). Ф. 325. Оп. 99. Д. 27.
4. ГАСД АО. Ф. 2973. Оп. 1. Д. 83.
5. ГАСД АО. Ф. 345. Оп. 3. Д. 420.
6. Там же. Д. 979.
7. **Приступко В. А.** Патриотическое движение студенческих строительных отрядов 1959-1990 годов: исторический взгляд спустя 50 лет // Молодежь и инновационное развитие России: научная конференция; доклады и материалы. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2008. С. 107-124.
8. **Федеральный закон от 21.12.2009 «О внесении изменений в ст. 50 Закона РФ «Об образовании» и ст. 16 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании»** // Российская газета. 2009. 23 декабря.

REGIONAL STUDENT TEAMS ORGANIZATIONAL PROBLEMS AT THE END OF THE 1970S - THE BEGINNING OF THE 1990S (BY ASTRAKHAN' REGION MATERIALS)**Yuliya Gennad'evna Eshchenko***Department of History of Russia
Astrakhan' State University
pushistik_yuliya@mail.ru*

In the article the organizational problems of student construction team (SCT) movement at the end of the 1970s - the beginning of the 1990s are analyzed basing on Astrakhan' region secondary special educational institutions materials. Astrakhan' student team specific features and also SCT movement activity organization problems common for many regions are revealed.

Key words and phrases: student team; Astrakhan' region; secondary special educational institutions; Komsomol.

УДК 343. 81 (47) (063)

Сделан анализ содержания научного сайта, на котором представлены работы по проблемам истории пенитенциарной и охранительной политики Российского государства в Сибири в XVIII-XX вв. Автор рассматривает статьи некоторых специалистов - участников сайта, останавливаясь на историографии уголовной и политической ссылки.

Ключевые слова и фразы: пенитенциарная политика; Сибирь; ссылка; политические репрессии; Нерчинская каторга; законодательство Российского государства; историография.

Александр Александрович Иванов, д.и.н., профессор
*Кафедра политологии и отечественной истории исторического факультета
Иркутский государственный университет
ottisk@irmail.ru*

СИБИРСКАЯ ССЫЛКА НА САЙТЕ WWW.PENPOLIT.RU®

Иркутск по праву считается одним из центров изучения истории тюрьмы, каторги и ссылки в Сибирь. Основы исследования этой проблематики заложили здесь еще В. И. Огородников, Б. Г. Кубалов, Ф. А. Кудрявцев, затем продолжили и развили А. В. Дулов, С. Ф. Коваль, С. В. Кодан, А. С. Кузнецов, Т. А. Перцева, Б. С. Шостакович, Н. Н. Щербаков и другие. Явлением в исследовании этой темы стало издание сборников научных трудов «Сибирь и декабристы» (1978-2009, № 1-6) и «Сибирская ссылка» (1973-2009, № 1-17) [32], аккумулировавших многолетние поиски ученых не только региона, но и страны.

В наши дни эта тема продолжает плодотворно развиваться, приобретая новые направления и грани. Дополнительный импульс «тюремная» и «ссылочно-каторжная» проблематика получила, в том числе, благодаря использованию новых коммуникационных и информационных технологий. Сегодня Интернет-пространство не только источник дополнительных знаний, но и средство научного общения, обмена результатами исследований историков различных регионов, по существу стирающий границу между «центрами» науки и «периферией».

Одним из таких средств стал сайт, название которого вынесено в заголовок настоящей статьи. Он был открыт в качестве постоянного информационного органа Совета по исследованию истории пенитенциарной политики Российского государства в Сибири в XVII-XX века, созданного при Иркутском государственном университете в 2008 г. На сайте представлены результаты исследований профессиональных историков, специалистов этой проблематики из Иркутска, Улан-Удэ, Читы, Барнаула, Новосибирска, Омска, Братска, других городов сибирского региона. За первый год своего существования сайт сумел объединить более 50 ученых, опубликовавших здесь около 150 статей по историографии и источниковедению темы, истории революционной и уголовной ссылки, осуществлению политики «штрафной колонизации» сибирского региона, деятельности тюремных ведомств и жандармских управлений, вкладу политических ссыльных в социально-экономическое, культурное и общественное развитие края, истории плена, политзаключенных и спецпереселенцев советского периода.

Несмотря на столь незначительную собственную историю, сайт уже сегодня является верным барометром, отражающим интересы и новые направления в исследовании пенитенциарной проблематики. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим здесь лишь несколько работ.

Прежде всего очевидно внимание современных исследователей к истории применения государством уголовной ссылки и каторги в Сибирь. Когда-то эта тема активно изучалась специалистами русской научной школы. Ученые-криминалисты, практики пенитенциарной системы - М. Н. Галкин-Врасской, С. К. Гогель, П. К. Гран, С. П. Мокринский, А. А. Пионтковский, С. В. Познышев, А. П. Саламон, Н. С. Таганцев и многие другие подвергли всестороннему изучению правовые, организационные и финансовые аспекты этого явления. Их интересовала, прежде всего, эффективность функционирования института ссылки. В начале XX века в результате многочисленных дискуссий, большая часть исследователей склонялась в пользу отмены ссылки на поселение и замены ее тюремным заключением, сопровождаемым обязательными каторжными работами. Ссылка в Сибирь, как и в северные отдаленные губернии страны, или на Кавказ, признавалась дорогостоящей и неэффективной [3; 31].

Наряду с пенитенциарными институтами государства изучалась ссылка как таковая. Ученых правоведов и историков интересовали социальные корни этого явления, а также состав ссылки, жизнь крупных тюремных коллективов, влияние поселенцев на местное общество, их вклад в экономическое развитие региона.

В начале XX века историография уголовной ссылки и каторги в Сибирь составляла десятки монографий и сотни крупных разноплановых статей - от путевых заметок, корреспонденций с мест до статистических обобщающих обзоров, служебных докладов, историко-правовых исследований, мемуарных комплексов. Специалистами права, историками, этнографами, политическими и общественными деятелями, изучавшими те или иные аспекты темы, был накоплен, систематизирован и обобщен огромный пласт фактического материала, детально исследованы многие проблемы пенитенциарной практики российского государства.

После октября 1917 года, с коренным изменением государственного строя, работы криминалистов и историков XIX века оказались невостребованными. Приоритетные позиции в научных интересах историков заняла ссылка политическая, и, прежде всего, «деятельность» революционеров-большевиков в «сибирской неволе» [24; 28]. История уголовной ссылки и тюрьмы по существу была предана забвению. На этом фоне многоотомный труд М. Н. Гернета «История царской тюрьмы» (1960-1963) был действительно исключением [14, с. 15-75].

С началом 1990-х годов пенитенциарная политика Российского государства, как научная проблема, вновь становится актуальной и востребованной. Сегодня в ней можно выделить несколько подходов, один из них - стремление специалистов всесторонне исследовать законодательные основы тюремного дела в империи. Именно этим аспектам посвящена, например, статья Л. М. Дамешека и А. В. Филатова, анализирующих режим и правовое положение заключенных каторжных тюрем Восточной Сибири», помещенная в разделе «Досоветские исследования» нашего сайта [12].

Авторы указывают, что правовое положение каторжников в местах отбывания наказания регулировалось соответствующими законодательными актами государства, важнейшими из которых были Устав о ссыльных и Уложение о наказаниях, Устав о содержащихся под стражей, Положение о полицейском надзоре. Вместе с тем, о режиме содержания нельзя судить только по этим документам. Следует учитывать, во-первых, что на протяжении всего периода существования каторги в качестве дополнения к нормативным актам правительством издавались различные инструкции и циркуляры, внутриведомственные директивы, которые существенно корректировали правовое положение арестантов; во-вторых, в каждой тюрьме администрация нередко устанавливала свои порядки, что было продиктовано отнюдь не нарушением устава службы, а конкретной ситуацией, связанной с наполняемостью помещений, укомплектованностью штатного расписания, урожаем или неурожаем, климатическими особенностями и т.д., которые в немалой степени влияли, а нередко и определяли, условия содержания заключенных.

Выявленная авторами особенность тюремного режима, его зависимость от конкретных обстоятельств, имеет важное методическое значение для правильного понимания и оценки пенитенциарной политики и практики в сибирском регионе. Именно местные сибирские особенности - нехватка обученных кадров служителей тюремного ведомства, низкая квалификация конвойных команд, формировавшихся практически на сто процентов из армейских запасников или инвалидов, отсутствие промышленной инфраструктуры в регионе, делавшее труд в тюрьме непозволительной роскошью и обрекавшее заключенных на праздность и бездеятельность, а также некоторые другие, и определяли содержание режима в каторжных тюрьмах Сибири.

Подчеркнем еще раз правильность и научную обоснованность подобного метода изучения.

Между тем, есть немало современных исследований истории пенитенциарной политики государства в Сибири, авторы которых лишь по законодательным и подзаконным актам делают выводы о содержании того или иного тюремного режима. В таких работах на протяжении многих страниц просто цитируются нормативные документы, многочисленные инструкции Главного тюремного управления, уставы и положения. Картина, которую рисуют историки с помощью такого «метода», не отражает реальной действительности, а значит и выводы о «суровом, каторжном» режиме не могут быть справедливыми.

Как не привести здесь несколько строк из книги англичанина Ю. Прайса, объехавшего сибирские тюрьмы в конце XIX в. и взглянувшего на нашу систему со стороны. Нигде, в том числе и в Иркутске, Прайс не увидел заключенных, занятых каторжным трудом. Его поразила общая практика «праздности» тюремной жизни, а также то, что двери камер намеренно открывались и оставались «без замка» в течение всего дня; ссыльные свободно «перемещались» не только внутри одного здания, но и по территории всей тюрьмы; «в отверстие тюремной стены можно было подать деньги и купить у местных жителей все, что угодно»; «постоянное потребление чая в камерах больше походило на бесконечный пикник».

Но наиболее сильное впечатление на Прайса произвело существование имущественной дифференциации среди тюремных сидельцев. Англичанин, воспитанный на многовековых традициях равенства любого гражданина перед законом, был поражен, встретив, например, в иркутской тюрьме камеры привилегированных ссыльных, «в которых было все для жизни джентльмена»: отдельное питание, собственный гардероб, возможность заниматься любимым делом (читать, рисовать, «ничего не делать»), постоянная переписка с Европейской Россией и т.д. Журналист называет подобную систему «странный», а «живейшее и, по всей видимости, небескорыстное, участие тюремной администрации» и даже крупных местных чиновников в судьбах богатых заключенных, «противоестественным» [36, с. 97-105].

К работе Л. М. Дамешека и А. В. Филатова тематически примыкает статья Н. Г. Степановой «Правовое регулирование сибирской каторги в первой половине XIX века», расположенная на сайте опять же в разделе досоветских исследований [33]. Эта тема уже разрабатывалась в 1970-х годах. Так, известны несколько работ С. В. Кодана [17], касавшегося в большей мере политической ссылки, а также пребывания в Восточной Сибири «государственных преступников 14 декабря», и исследования А. Д. Марголиса, решавшего проблемы правовой базы каторжной практики попутно с установлением общей численности сибирских уголовных ссыльных [22].

Н. Г. Степанова, весьма плодотворно занимающаяся в последнее время проблемами каторжной политики Российского государства в Сибири, о чем свидетельствуют публикации в сборнике «Сибирская ссылка», фокусирует свое внимание на двух исторических документах - Уставе о ссыльных и в качестве дополнения к нему Уставе об этапах 1822 г. Автор совершенно справедливо считает их «основой законодательного регулирования сибирской каторги, ступенью законодательной эволюции института каторжных работ в Российской империи, установившими в первой половине XIX в. нормы отправления в ссылку, препровождения ссыльных, их прием и распределение в Сибири, «употребление» в работы».

Трудно не согласиться с автором. Устав о ссыльных положил начало длительному позитивному процессу не только законодательного формирования системы сибирской ссылки, но в значительной мере впервые упорядочил ее практическое применение. Достаточно лишь сказать о том, что именно с принятием этих уставов, началась систематический учет ссыльных, проходящих в Сибирь через Тобольский приказ - до этого исследователи пользовались отрывочными и часто противоречивыми сведениями путешествовавших через Сибирь иностранцев, реже соотечественников, изучавших суровый край с точки зрения наличия полезных ископаемых, водных и лесных ресурсов.

Н. Г. Степанова, говоря об Уставе о ссыльных 1822 года, вполне естественно, не могла обойти вниманием и фигуру М. М. Сперанского. До Сперанского, справедливо полагает автор, в России не было единой государственной системы управления сибирской ссылкой. Это действительно так. Автор подробно рассматривает Устав о ссыльных, анализируя многие его статьи, подразделявшие каторжан на несколько категорий в зависимости от тяжести совершенных ими преступлений - работающих на заводах, строящих дороги, служащих в качестве прислуги, живущих сельскохозяйственным трудом, наконец, больных, о которых следует проявлять заботу и постоянное внимание и т.д.

Но почему устав так и не стал эффективным инструментом управления сибирской каторгой и ссылкой? Только ли потому что не были, как полагает автор, детально проработаны многие его положения или были еще какие-либо причины? Наверное, основная причина такого неудовлетворительного результата кроется в том, что документ не учитывал все возраставших масштабов ссылки в Сибирь, также того, что местные промышленные предприятия просто не в силах были вместить такого количества осужденных, обеспечив их работой. Например, если в 1812-1831 гг. за Уральский камень было отправлено 39 8761 человек, то в следующем десятилетии - 91 709, а в 1832-1841 гг. - еще 78 823. Всего же, по данным Марголиса, с 1807 по 1881 гг. Сибирь приняла 635 319 ссыльных! [22, с. 30].

Но возникает следующий вопрос, почему М. М. Сперанский не предусмотрел в качестве источника для занятости ссыльных поистине бездонные потребности Нерчинской каторги? Действительно, реформатор был знаком с Нерчинским горным округом не понаслышке. Зимой 1820 г. он посетил Забайкалье. Для него эта поездка была важной, поэтому накануне из Иркутска Сперанский несколько раз писал дочери о своем намерении побывать в Кяхте. 13 февраля, выехав из столицы края, он 14-го был в Селенгинске. В Кяхте провел три дня, затем прибыл в Верхнеудинск, а 26-27 февраля осматривал Нерчинский завод и Воздвиженский рудник. Побывал и в шахте. «Ужас сего места; процессия в стране мертвых со свечами; контраст

мальчиков и их голосов, работающих вместе с преступниками», - записал он в своем дневнике. А дочери написал: «Вчерашний день я возвратился из присподней... Я видел своими глазами последнюю линию человеческого бедствия и терпения. Ничто не может быть поучительнее сего впечатления». Организацию производства на Нерчинских рудниках он нашел, как указывает В. Вагин, в крайне жалком состоянии. «Хижины и развалины» - назвал увиденное генерал-губернатор. Работа правления или экспедиции о ссыльных была отмечена им также резко отрицательно. Но тягостное настроение от увиденного закончилось в последнем селении заводского ведомства. Когда начались земли Верхнеудинского уезда, перед его взором предстал совершенно другой вид, другие лица, - передает В. И. Вагин ощущения Сперанского [4, с. 51, 58].

Возможно, находясь под столь сильным впечатлением от увиденного, Сперанский и не стал определять Нерчинские рудники в качестве основного места каторжного труда? А может быть, надо учитывать то, что Нерчинские заводы находились в собственности Кабинета?

Отдельное внимание в статье Н. Г. Степановой уделено этапированию ссыльных. До Сперанского этой проблемой занимались от случая к случаю. Еще в 1816 г. в Сибири была учреждена внутренняя стража, на которую и возлагалась обязанность по препровождению арестантов. Однако отправленные в Сибирь ссыльные, в дороге по существу никому не принадлежали. Они вынуждены были кормиться подаением, останавливаться на ночлег где придется. Именно с этапов совершалось абсолютное большинство побегов. Бродяги становились настоящим бедствием для Сибирских губерний. Сбиваясь в группы, они буквально терроризировали притрактные села, вымогая у крестьян подавание, а если получали отказ, совершали поджоги и отравы. Образ «несчастливого» ссыльного, бездомного, всеми гонимого, обездоленного и покорного судьбе, созданный нашей демократической литературой, очень редко совпадал с действительным обликом сибирского бродяги [21]. Кусок хлеба, оставляемый крестьянами на задворках своей усадьбы, вовсе не был проявлением сострадания к ссыльным, а являлся своеобразным способом откупиться от них, лишь бы не трогали и шли дальше.

Отношение местных жителей к бродягам хорошо рисуют строки из рапорта генерал-губернатора Восточной Сибири С. Б. Броневского А. И. Чернышову о возможности побегов из Забайкалья каторжан или уголовных ссыльных: «Байкал и горные голодные пустыни не доставляют средств без твердого знания местности проникнуть сюда; а кочевые буряты и тунгусы для собственной своей безопасности, со свойственной им зоркостью всегда выслеживают беглых в самых непроходимых местах. Мщение их за многие несчастия, от Нерчинских каторжных претерпленные, таково, что весьма немногим удается пройти Братскую степь или пробраться через горы кругом Байкала к Иркутску, но и тут буряты и земская полиция довольно деятельно захватывают их» [6, л. 81, 82].

На каждые 100 ссыльных в Забайкальской области в конце XIX века приходилось 9,7 преступлений и 9,1 осужденных преступников, в Иркутской губернии соответственно - 8,9 и 6,9, Енисейской - 11,3 и 3,8. Рассматривая эту статистику, следует иметь в виду ее несовершенный характер: на деле преступлений было, конечно же, гораздо больше, так как нет никакой возможности просчитать, сколько преступлений оставались не обнаруженными и не зафиксированными местными властями [7, л. 13].

После принятия Устава в деле препровождения арестантов произошло много положительных явлений. На всем протяжении Московского тракта вплоть до Нерчинска строились этапы и полуэтапы, вводилась регулярная конвойная служба, отвечавшая за арестанта во время пути. Однако и после 1822 г. здесь было много нерешенных проблем.

Статья М. В. Шиловского (Новосибирск) посвящена исследованию каторжного труда в Сибири во второй половине XIX - начале XX в. [34]. В отечественной историографии до сих пор этот вопрос решается неоднозначно, в нем, как в фокусе, проявляются политические пристрастия многих исследователей. Историки и публицисты XIX в. решали эту научную проблему по-разному: одни, для того, чтобы доказать пагубное влияние уголовной ссылки на сибирское общество, ссылка - настоящее бедствие Сибири; другие - стремясь показать преобладание народной колонизации над государственной, третьи - пытаются обосновать необходимость замены сибирской ссылки тюремным заключением с принудительным трудом по месту совершения преступления [11, с. 59].

В советской историографии эта тема также имела ярко выраженную идеологическую окраску. Ее решение было продиктовано стремлением или «обличить» царизм, каравший каждодневным многочасовым непосильным каторжным трудом ссыльного в Сибири, или показать грабительский, неэффективный характер колониальной политики государства за Уралом. Так или иначе, но в отечественной историографии сложилось и существует до сих пор стойкое представление о «незначительной роли» уголовной ссылки в хозяйственном освоении огромного региона. Однако этот вывод можно оспорить или доказать только на конкретном материале, исследовав роль ссылки по каждому сибирскому региону на протяжении полутора-двух столетий. Как представляется, современные ученые именно этим и занимаются - идет кропотливый поиск доказательной базы ранее сложившегося во многом под воздействием идеологии тезиса.

М. В. Шиловский рассматривает различные формы занятости ссыльных, в основном по Забайкалью, привлекает большой массив фактического материала, анализирует работу каторжан на строительстве железных дорог и в горнодобывающей промышленности. Автор приходит к выводу о низкой экономической эффективности использования каторжного труда в этом регионе Сибири во второй половине XIX - начале XX вв.

Значительно меньше места отведено на сайте исследованиям истории становления и деятельности в Сибири жандармской полиции. Лишь К. В. Плюта (Иркутск) в своей статье «Антитеррористическая политика

Российского правительства во второй половине XIX - начале XX вв.» некоторым образом сумел коснуться этой темы [27]. Уже первые процессы над народническими кружками и масштабное «дело пропаганды в империи» показали непригодность правоохранительной системы к террористическим методам революционеров. Тогда то правительство и приступило к реформированию силовых структур. В первую очередь были усилены жандармские подразделения, куда пришло новое пополнение из армейских частей, а общая численность увеличена практически вдвое.

Повышению роли жандармерии в борьбе с антигосударственными проявлениями способствовало наделение губернских управлений правом в открытом порядке расследовать вместе с представителями прокуратуры преступления на правах судебных следователей. Жандармерия, таким образом, становилась не только органом политического надзора, но могла самостоятельно вести расследование политических преступлений. В это же время были созданы сыскные секретно-розыскные отделения, которые со временем возникли во всех губерниях.

Статья К. В. Плюты четко выявила слабые стороны изучения данной проблематики. С одной стороны, недостаточное количество исследований в целом по России (работа З. И. Перегудовой «Политический сыск России», изданная еще в 2000 г., и по сей день остается единственной серьезной монографией) [26], с другой - отсутствие основательных работ на региональном уровне, и в первую очередь, по Сибири. История деятельности Иркутского губернского жандармского управления - не исключение из этой констатации.

Между тем, введение в научный оборот документов Иркутского ГЖУ из фондов ГАИО позволяет по-новому оценить размах революционного движения в Восточной Сибири, дает представление о формах, методах и эффективности деятельности жандармов. Вот, например, объяснительная записка начальника Иркутского ГЖУ в Департамент полиции с изложением причин медленного производства дознаний по политическим делам от 27 сентября 1906 г.: «В течение января и февраля месяца мною был препровожден прокурору Иркутского окружного суда целый ряд переписок: о мятежных организациях на Забайкальской железной дороге, таких же организациях на Сибирской железной дороге, по делу учительского и крестьянского союзов, о союзе союзов, по делу социал-демократической организации, по делу организации социалистов-революционеров, и по делу террористического кружка, подготавливавшего покушение на жизнь начальника охранного отделения ротмистра Гаврилова.

Начиная с 10 января при вверенном мне управлении не было ни адъютанта, ни помощника, та как последние были командированы для следственных действий в свои районы и Забайкальскую область, а адъютант не назначался с июня прошлого года. При подобных условиях, ведя громадную текущую переписку по канцелярии, имея до 600 человек арестованных, производя лично разборку всех вещественных доказательств, формируя и направляя все вышеупомянутые переписки, которые необходимо было снабдить пояснительными записками и, располагая для всей этой работы помощью двух еле грамотных писарей, я лишен был физической возможности лично производить дознания» [8, л. 77-78].

Анализ документа хорошо передает накал революционной борьбы в Иркутске в 1905-1906 гг., а также объем работы охранного отделения того периода. Можно сделать вывод и о хронической нехватке специалистов в управлении жандармского ведомства, а также о квалификации служащих нижнего звена.

А вот еще один любопытный документ, рисующий жизнь охранного отделения «изнутри» - приказ начальника Иркутского ГЖУ по личному составу: «Согласно приказа по Сибирскому жандармскому округу от сего февраля за № 10, предписываю в течение предстоящего Великого Поста всем чинам вверенного мне управления исполнить священный долг Исповеди и Св. Причастия, установив для нижних чинов очереди; по исполнении чего помощникам моим представить мне списки по установленной форме с отметками о бытности каждого и их семейств...» [9, л. 82].

Как видим, выполнение «священного долга» исповеди было также под строгим контролем, как и деятельность революционных организаций.

На сайте достойно представлена богатая событиями и именами история Нерчинской каторги. Надо подчеркнуть особо то, что эта область сибирской ссылки сегодня активно продолжает изучаться. В давно осваиваемом, казалось бы, объекте познания находятся новые грани. Так, например, З. В. Мошкина (Чита) исследует внутренний мир политических каторжанок [23]. Несколько десятков молодых женщин решивших изменить к лучшему российскую действительность, осужденных за это и отправленных через всю страну в Забайкалье, были собраны на длительное время в одном замкнутом пространстве деревянного барака Мальцевской тюрьмы. На первый взгляд, женщины пользовались относительной свободой - много гуляли, разводили цветы, шили, читали любимые книги. Кандалы одевались лишь по просьбе зрителей, ждущих очередной жандармской проверки, да и почтовая связь с Европейской Россией существовала.

Но тюрьма - есть тюрьма, и, наверное, самое страшное испытание здесь - испытание вынужденным общением, когда невозможно уединиться, отказаться от общих разговоров и обсуждения проблем. В этой ситуации в первую очередь страдает психика человека, его душевное равновесие. Неслучайно, среди женщин-каторжанок было так много больных, издерганных и нервных людей. В такой атмосфере любая попытка ограничить женщин в правах встречала резкий болезненный протест и крайняя мера - самоубийство - уже не казалась проявлением слабости духа [29].

З. В. Мошкина отдельно рассматривает историю пребывания на Нерчинской каторге Е. К. Брешко-Брешковской. Сначала эсеровская партийная пропаганда сделала из этой женщины символ освобождения «крестьянина-мужика», «заступницы и страдальцы за народ», затем большевистская идеологическая машина

превратила в карикатуру, «выжившую из ума старуху из компании Керенского и Милокова». Характерна, например, карикатура на обложке одного из номеров журнала Аркадия Аверченко «Новый сатирикон» за 1917 год: гротескные дедушка русской революции Петр Алексеевич Кропоткин вместе с «бабушкой» Брешко-Брешковской, прогуливаясь возле загородного дома, склонились над только что сломанным маленьким деревцем, олицетворяющим, по мысли автора карикатуры, по всей видимости, хрупкую народную демократию февраля-октября 1917 г. в России. Старые народники расстроены, едва не плачут, а сидящий на заборе Лев Троцкий состроил ехидную рожицу: смотрите, мол, что мы сделали с вашей демократической революцией!

Из Иркутской тюрьмы Брешковская была отправлена с конвоем на Кару в сентябре 1878 г., а вернулась в Иркутск в 1892 г. Четырнадцать лет провела она в Забайкалье, назвав эти годы впоследствии «самыми пустыми и грустными». Всего же «ссылный» стаж этой женщины составил четверть века (1878-1896, 1910-1917) - и это без тюремного заключения! Уже это, не говоря об активной конспиративной и пропагандистской деятельности в ссылке, вызывает к ней неподдельное уважение.

Е. К. Брешковская поспешила в Баргузин после каторги в начале 1879 г. Здесь проживало всего три-четыре «политика», не было совершенно никакой работы, а, значит, и средств к существованию. Решение бежать из ссылки зародилось у нее еще на этапе, все мысли, как она вспоминала, были направлены на скорейшее возвращение к активной работе. Бежали четверо - Н. Тютчев, К. Шамарин, И. Линева и Е. Брешковская. Этот побег вызвал настоящую панику в рядах сибирской администрации, а ее действия получили жесткую оценку на самых «верхах». О серьезности положения может свидетельствовать телеграмма министра внутренних дел Иркутскому генерал-губернатору с предложением «принять самые решительные меры к розысканию скрывшихся государственных преступников и доложить мне для доклада Его Величеству» [10, л. 8].

История этого побега хорошо описана Н. С. Тютчевым, воспоминания о нем оставила и сама Брешковская. Бежавшие пытались пройти тайгой на юго-восток, преодолевая отвесные подъемы и горные реки. «Приходилось идти по таким острым и крутым хребтам, - вспоминала Брешковская, - что более слабые лошади не могли держаться и, оступившись, падали, скатываясь под гору кубарем... Вьюки не давали им подняться, тогда товарищам по одному приходилось спускаться вниз, сначала развьючить коня, ставить на ноги, снова навьючить и тащить его, перепуганного и избитого, с большими усилиями к нам наверх. Скорей, скорей, вперед! Но скорость не давалась...» [2].

Через несколько дней беглецы сбились с дороги, окончательно заблудились, проводник их бросил. Они потеряли всех лошадей, запасы продуктов и, окруженные чинами полиции, мобилизовавшими местных жителей, вынуждены были, не приняв боя, сдаться. Их привезли в Верхнеудинск и содержали в здании военной гауптвахты. Следствие о побеге закончилось в августе 1881 г.: Линева, Тютчев и Шамарин были высланы в Якутскую область, Брешковскую же решено было, наказав розгами, отправить повторно на Кару.

В 1884 г. Екатерина Константиновна получила назначение в Селенгинск. Здесь государственная преступница обучала грамоте детей и взрослых, занималась самообразованием, шила одежду [30]. Это были трудные годы самых суровых испытаний. «В Селенгинске, мертвом», «сером», «как в клетке», томилась я целых восемь лет... Одинокая, вечно рвущаяся - выходила я в степь и громким голосом изливала тоскующее по свободе сердце...» [13, с. 8].

Изучение Нерчинской каторги, как самой большой тюрьмы на востоке империи продолжается молодым исследователем из Читы А. В. Волочаевой [5]. Автор, прежде всего, рассматривает богатую историю Нерчинска, используемого когда-то в качестве опорного форпоста для движения русских на Амур и к Тихому океану. Уже в 1722 г. последовал указ о ссылке преступников в Даурию на серебряные заводы и о переводе 300 семейств туда же для поселения на удобных к хлебопашеству землях. По указу от 15 июля 1729 г. в сибирскую ссылку из центра страны стали отправлять бродяг и беглых, что придало политике штрафной колонизации необходимые силы. С 13 октября 1731 г. разрешили переводить в состав заводских крестьян ссылных, и эта мера становится постоянной. В 1762 г. были изданы узаконения о прекращении ссылки на Колыванские заводы колодников и о селении их на дистанциях от Тобольска к Иркутску до Нерчинска, а также о ссылке преступников в Рогервик и в Нерчинск, смотря по близости расстояния этих мест от места посылки. В 1763 г. последовал Указ о формировании в Сибири «для защищения этого края» пяти пехотных и двух конных полков из вывозимых из Польши беглых российских подданных и о поселении тех из них, которые в военную службу негодны, в Нерчинском и Селенгинском уездах для распространения хлебопашества.

Началом массовой ссылки в Сибирь стали 1760-е годы. 13 декабря 1760 г. был принят Указ «О приеме в Сибирь на поселение от помещиков, дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских, купеческих и государственных крестьян, с зачетом их за рекрут». Помещику предоставлялось право самостоятельно определять состав преступления своего крепостного и наказывать его ссылкой в Сибирь.

Первые же партии следующих в Нерчинск ссылных выявили «узкие места» плана расселения, главное из которых заключалось в отсутствии по дороге необходимого количества продовольствия. Например, при переводе в 1754 г. из Соликамских соляных варниц в Нерчинск 2151 человека незаселенными болотистыми местами по Кети, за семь недель умерло от голода и болезней 517 человек. К тому же, для сопровождения оужденных не хватало конвойных команд, транспорта, помещений для остановок в пути [35, с. 172-176].

Сколько ссылных было отправлено в Забайкалье по «рекрутским» указам? Согласно подсчетам А. Д. Колесникова, в Сибирь в 1761-1781 гг. было выслано не менее 35 000 душ мужского пола. Если же иметь в виду, что женщины в этот период составляли около 75-80% от числа сосланных мужчин, то можно

полагать, что в Сибирь за двадцать лет прибыло около 60 тысяч ссыльных и членов их семей. Часть этих поселщиков были отправлены, как того и требовали указы, в Забайкалье [18, с. 354-355].

17 октября 1799 г. именным указом, данным Сенату, повелено было заселить южную часть Восточной Сибири, прилегающую к границам китайским, между Байкалом, Ангарой, Нерчинском и Кяхтой, с предоставлением различных выгод желающим поселиться. Выполнение и этих планов было организовано плохо. Оказалось, что часть людей были отправлены помещиками без надлежащей одежды; большинство не имело в дороге кормовых денег. Такое «переселение» увеличило бродяжничество в крае. Ситуация с заселением Забайкалья ссыльными не изменилась и в XIX веке. По-прежнему в этом деле царила неразбериха, отсутствовала планомерность и последовательность.

А. В. Волочаева рассматривает также режим содержания преступников Нерчинской каторги, регламентированный законом, и реально существующие условия их жизни. В ходе исследования автор приходит к выводу, что общий карательный режим каторги, определенный законом, дополнялся суровыми реальными условиями жизни (старыми тюремными помещениями, их большой переполненностью, плохим состоянием медицинской части и др.). Пытаясь сохранить «необходимый» режим каторги, государство не могло изменить неудовлетворительные условия жизни преступников, ограничиваясь только полумерами.

Отдельно в статье А. В. Волочаевой исследуется труд каторжан на строительстве железной дороги. Несмотря на то, что количество преступников каторжного разряда в железнодорожных работах было небольшим, труд этот (в отличие от труда на предприятиях Кабинета), приносил финансовую и стратегическую выгоду государству. Каторжные отряды исправляющихся и испытуемых работали совместно, причем с последних снимались оковы. Размещались арестанты во временных бараках и без особой охраны. Кроме того, срок работ преступников сокращался с года до 8 месяцев.

Кроме перечисленных тем, А. В. Волочаева дает и массу статистического обобщающего материала, последовательно рассматривает количество и динамику поступления преступников на каторгу в Забайкалье, определяет состав каторжных по основным признакам: пол, возраст, социальное и семейное положение, характер совершенных преступлений и их количество.

История политической и уголовной ссылки в Сибирь представлена на сайте в работах и других авторов. Перечислим здесь только некоторые имена. Так, С. П. Исачкин (Омск) рассматривает влияние ссыльных социал-демократов на партийное подполье Сибири, журналистскую деятельность Н. Рожкова в ссылке, а также историографические проблемы дальнейшего изучения темы [15]; П. Л. Казарян (Якутск) исследует практику внесудебной, административной расправы по политическим мотивам в России конца XIX в. [16]; Н. П. Курусканова (Краснодар) анализирует архивные материалы о следовании через Сибирь на каторгу группы политссыльных эсерок во главе с М. А. Спиридоновой [20]; И. Н. Никулина (Барнаул) поднимает проблемы политической ссылки 1820-1890-х гг. на Алтае [25].

История репрессивной политики советского государства также представлена на сайте рядом разноплановых статей. Вызывает интерес работа О. В. Афанасова (Братск) «К истории Александровской особой тюрьмы МВД СССР в Иркутской области» [1]. Автор совершенно справедливо указывает на практически полное отсутствие в свободном доступе материалов по этой тюрьме, больше известной специалистам под названием Александровского центра. Однако если царский период функционирования тюрьмы представляется относительно изученным, то ее деятельность при советской власти до сих пор не затрагивалась в исторических исследованиях.

В архиве ГУВД по Иркутской области автору удалось обнаружить лишь отдельные делопроизводственные документы, затрагивающие агентурно-оперативную работу с заключенными и личным составом рассматриваемого тюремного учреждения. В 1953 году лимит содержания заключенных здесь составлял 1000-1100 человек, имелось 40 общих и 9 одиночных камер, 11 карцеров и 8 больничных палат. Однако согласно имеющимся данным, в тюрьме помещалось только чуть более 400 заключенных, из них «спецконтингент» составлял 330 человек, хозяйственная обслуга - 74.

О. В. Афанасов выявил и некоторые категории «особо опасных государственных преступников»: «агентов иностранных разведок» - 115, включая представителей американской (25), английской - 9 человек, немецкой - 20, японской - 25, французской - 15, австрийской - 3, а также 19 «троцкистов», 25 «террористов», 19 «диверсантов», 16 «националистов», 57 «бандитов» и 79 прочих осужденных. Как видим, история Александровской тюрьмы советского периода представляет интересный объект для дальнейшего научного исследования.

Из материалов по истории пенитенциарной системы советского периода заслуживают внимания статьи С. И. Кузнецова [19]. Профессор Кузнецов - ведущий российский специалист данной проблематики - посвятил одну из своих работ положению японских военнопленных на территории Иркутской области. Автор сравнивает послевоенную Сибирь с огромным концентрационным лагерем и для граждан СССР, и для иностранцев. Он считает, что в Иркутской области можно было наблюдать все типичные процессы развития советской лагерной системы: в регионе располагалось множество мест заключения, через которые прошли сотни тысяч людей, многие из которых, не выдержав суровых климатических условий, нечеловеческого обращения со стороны охраны, тяжелого физического труда, нашли здесь последнее пристанище.

Цифры, приводимые С. И. Кузнецовым, не могут не поражать: осенью 1945 г. в нашу область было направлено более 70 тысяч пленных японцев (Для сравнения, в 1898-м - самом показательном году - в Иркутской губернии насчитывалось около 70 тысяч уголовных ссыльных всех категорий). Иркутские лагеря военнопленных являлись самыми многочисленными в стране. На территории области были развернуты три

крупных управления лагерей японских военнопленных: Тайшетлаг, Черемховлаг и Иркутсклаг. Кроме этого, около 1000 японцев, размещенных в Иркутской области, подчинялись 30-му управлению лагерей Бурятской АССР. На строительство железной дороги Тайшет-Братск японцы прибывали в составе батальонов бывшей Квантунской армии, причем, с прежними командирами.

Иностранцы военнопленные использовались в качестве дешевой рабочей силы. Военнопленный был обязан не только возместить своим трудом стоимость содержания в лагере, но и приносить доход государству. Выгода от эксплуатации дешевой рабочей силы заслоняла чувства гуманности и сострадания: в лагерях отсутствовали нормальные жилищно-бытовые условия, не хватало продовольствия, топлива, медикаментов, обмундирования и обуви. Все это, вместе с непривычным суровым климатом Сибири, привело к многочисленным людским потерям: по данным японского министерства здравоохранения, в лагерях Иркутской области умерло свыше 6500 военнопленных.

Значительно меньше на настоящем сайте представлены исследования истории исправительных учреждений для уголовных преступников современного периода. Скорее всего, это связано с отсутствием в свободном доступе необходимо архивного материала и статистических данных.

Как видим, исследование истории пенитенциарной и охранительной политики государства в Сибирском регионе не только продолжается, но все больше приобретает комплексный характер. Сегодня специалистов интересует, прежде всего, история уголовной ссылки, правовые аспекты деятельности тюремной администрации и этапных команд. Определенное внимание уделяется выявлению роли штрафной колонизации в освоении Сибири. Привлекает внимание историков работа правоохранительных органов, а также структур политического и уголовного сыска. По-прежнему исследуется история Нерчинской каторжной системы. Гораздо меньше стала изучаться революционная ссылка, а также деятельность в регионе радикальных политических партий и движений.

Приглашаем на сайт «Сибирь и ссылка» новых участников, всех специалистов данной темы.

Список литературы

1. **Афанасов О. В.** К истории Александровской особой тюрьмы МВД СССР в Иркутской области [Электронный ресурс]. URL: www.penpolit.ru/authors/profile_view.php?id=481 (дата обращения: 22.02.2011).
2. **Брешковская Е. К.** Побег: отрывок из воспоминаний // Дни. 1924. 20 января.
3. **Буцинский П. Н.** Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889.
4. **Вагин В.** Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского с 1819 по 1822 год. СПб., 1872.
5. **Волочаева А. В.** Нерчинская уголовная каторга во второй половине XIX века [Электронный ресурс]. URL: www.penpolit.ru/authors/profile_view.php?id=485 (дата обращения: 22.02.2011).
6. **Государственный архив Иркутской области (ГАИО).** Ф. 600. Оп. Оц. Д. 256. Л. 81, 82.
7. **Там же.** Оп. Оц. Д. 5. Л. 13.
8. **Там же.** Оп. 1. Д. 834. Л. 77-78.
9. **Там же.** Л. 82.
10. **ГАИО.** Ф. 24. Оп. 3. Д. 82. Л. 8.
11. **Головачев П. М.** Ближайшие задачи исторического изучения Сибири // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. № 10.
12. **Дамешек Л. М., Филатов А. В.** Содержание, правовое и материальное положение заключенных каторжных тюрем Восточной Сибири [Электронный ресурс]. URL: www.penpolit.ru/authors/profile_view.php?id=519 (дата обращения: 22.02.2011).
13. **Е. К. Брешко-Брешковская о самой себе.** Пг., 1917.
14. **Иванов А. А.** Историография политической ссылки в Сибирь второй половины XIX - начала XX в. Иркутск, 2001.
15. **Исачкин С. П.** Освещение партийных связей ссыльных социал-демократов Сибири в публикациях 1920-1955 гг. [Электронный ресурс]. URL: www.penpolit.ru/authors/profile_view.php?id=494 (дата обращения: 22.02.2011).
16. **Казарян П. Л.** Административная расправа по политическим мотивам в России (конец XIX - начало XX вв.) [Электронный ресурс]. URL: www.penpolit.ru/papers/?element_id=967 (дата обращения: 22.02.2011).
17. **Кодан С. В.** Управление политической ссылкой в Сибирь (1826-1856 гг.). Иркутск, 1980.
18. **Колесников А. Д.** Русское население Западной Сибири в XVIII - начале XIX вв. Омск, 1973.
19. **Кузнецов С. И.** Лагеря ГУЛАГа и ГУПВИ на территории Иркутской области [Электронный ресурс]. URL: www.penpolit.ru/papers/?element_id=940 (дата обращения: 22.02.2011).
20. **Курусканова Н. П.** «Мы вернемся в свободную Россию свободными и вольными гражданами...» [Электронный ресурс]. URL: http://www.penpolit.ru/authors/profile_view.php?id=517 (дата обращения: 22.02.2011).
21. **Максимов С. В.** Собр. соч.: в 7-и т. М., 2010.
22. **Марголис А. Д.** Тюрьма и ссылка в императорской России: исследования и архивные находки. М., 1995.
23. **Мошкина З. В.** Поведение политических узниц в условиях содержания на Нерчинской каторге в 80-е гг. XIX века [Электронный ресурс]. URL: www.penpolit.ru/authors/profile_view.php?id=503
24. **Николаев В.** Сибирская периодическая печать и политическая ссылка // Каторга и ссылка. 1928. № 6.
25. **Никулина И. Н.** Из истории пребывания поляков на Алтае (60-е гг. XIX в.) [Электронный ресурс]. URL: www.penpolit.ru/papers/?element_id=994 (дата обращения: 22.02.2011).
26. **Перегудова З. И.** Политический сыск России (1880-1917). М., 2000.
27. **Плюта К. В.** Антитеррористическая политика российского правительства во второй половине XIX - начале XX вв. [Электронный ресурс]. URL: www.penpolit.ru/authors/profile_view.php?id=507 (дата обращения: 22.02.2011).
28. **Политическая каторга и ссылка:** биографический справочник членов общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М., 1934.
29. **Политическая ссылка в Сибири. Нерчинская каторга.** Новосибирск, 1993. Т. 1.

30. Попов И. И. Минувшее и пережитое. Сибирь и эмиграция. Л., 1924.
31. Ссылка в Сибирь: очерк ее истории и современного положения для Высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки. СПб., 1900.
32. Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. - февраль 1917 г.). Иркутск, 1973-2009. Вып. 1-17.
33. Степанова Н. Г. Правовое регулирование сибирской каторги в первой половине XIX века [Электронный ресурс]. URL: www.penpolit.ru/authors/profile_view.php?id=508 (дата обращения: 22.02.2011).
34. Шиловский М. В. Экономическая эффективность каторжного труда в Сибири во второй половине XIX - начале XX вв. [Электронный ресурс]. URL: www.penpolit.ru/authors/profile_view.php?id=518 (дата обращения: 22.02.2011).
35. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032-1882 гг. Сургут, 1993.
36. Price Julius M. From the Arctic Ocean to the Yellow Sea // London News. London, 1892.

SIBERIAN EXILE AT WEB-SITE WWW.PENPOLIT.RU

Aleksandr Aleksandrovich Ivanov, Doctor in History, Professor

*Department of Political Science and Native History
Irkutsk State University
ottisk@irmail.ru*

The analysis of scientific site content comprising the works on the problems of the history of the Russian state penitentiary and protective policy in Siberia in the XVIIIth-XXth centuries is conducted. The author considers the articles of some specialists - site participants - paying special attention to criminal and political exile historiography.

Key words and phrases: penitentiary policy; Siberia; exile; political repression; Nerchinsk penal servitude; Russian state legislation; historiography.

УДК 37(091) (571.1/5) - 055.2

В статье рассматривается проблема развития общего и профессионального женского образования на сибирской окраине Российской империи во второй половине XIX - начале XX вв. Основное внимание автор уделяет вопросам расширения сети женских учебных заведений в крае и роли в этом процессе государственной, общественной и частной инициативы.

Ключевые слова и фразы: женское образование; учебные заведения; учащиеся; государственная образовательная политика; общественная и частная благотворительность.

Оксана Владимировна Ищенко, к.и.н., доцент
*Кафедра государственного и муниципального управления
Сургутский государственный университет
oksana5510@yandex.ru*

РАЗВИТИЕ ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ. ©

Модернизационные процессы, происходившие в России во второй половине XIX - начале XX вв., нашли свое проявление в различных сферах общественной жизни: экономической, социальной, политико-правовой, культурной. На повестку дня были поставлены вопросы подтягивания периферии до уровня центра, что обусловило изменения в области образовательной политики государства [8, с. 16]. Усиленное вовлечение в процесс общественного производства женского труда остро поставило вопрос о женском среднем образовании. Однако к середине XIX в. в Сибири действовало только одно среднее учебное заведение для женщин - Девичий институт, открытый в Иркутске в 1845 г.

Период реформ 1860-1870-х гг. способствовал значительному изменению политики властей в области женского образования. Обосновывая необходимость открытия новых школ для женщин, император Александр II указывал: «Лица среднего сословия в губернских и уездных городах лишены средств дать дочерям своим необходимое образование... Между тем от этого, без сомнения, зависит как развитие правильных понятий в обязанностях каждого, так и всевозможные улучшения семейных нравов и вообще всей гражданственности, на которые женщина имеет столь сильное влияние» [17, с. 27]. В результате в 1860 г. было принято Положение о женских училищах и женских гимназиях ведомства Министерства народного просвещения, согласно которому число школ для девочек должно было заметно увеличиться.

Единственный на всю Сибирь Девичий институт был учебным заведением закрытого типа, в котором обучалось относительно небольшое количество дочерей представителей высших сословий, поэтому он не мог удовлетворить возросшие потребности сибирского общества в женском образовании. Идея создания новых средних общеобразовательных женских учебных заведений во многих городах Сибири была поддержана